

Источник: Гейдеко В. Опять «тугой узел» / В. Гейдеко // Нева. — 1961. — № 10. — С. 203-204.

ОПЯТЬ «ТУГОЙ УЗЕЛ»

Кто-то один из них должен отвечать за убийство. Проще, если им окажется Митягин: прокурор найдет соответствующую статью закона, зачитает приговор, и простится фельдшер с женой и пятерыми детьми. Совсем другое дело Дудырев, начальник крупного строительства, человек едва ли не самый известный и влиятельный во всем районе. Закон, безусловно, одинаков для всех, но насколько предпочтительнее суду видеть обвиняемым не крупного хозяйственного работника, а безвестного сельского фельдшера.

Не для придания занимательности и не с целью заострения сюжета Тендряков¹ положил в основу повести эту своеобразную трагическую дилемму. Каков человек в самые критические минуты жизни, когда остается один на один со своей совестью? Не следовательский процесс дал писателю название для повести, а именно этот суд совести, суд беспощадный, тяжелый, выдержать который может не каждый.

Митягин в нем почти не участвует. Его роль очень проста и незавидна — дожидаться начала процесса. Раскаиваться ему совершенно не в чем, разве только пожалеть о своем решении пойти на охоту, приведшую к этому роковому случаю. Вместо Митягина перед судом совести предстает старый охотник Семен Тетерин, человек, казалось бы, к убийству совершенно непричастный. Он находит в туше убитого медведя пулю и убеждается, что она выпущена из винтовки Митягина. Выводы, вытекающие из этой находки, поражают своей безжалостностью. Парня, неосторожно встретившегося на пути охотников, убил не Митягин, как это предполагает прокурор, а Дудырев. Дудырев — убийца! Несопоставимость этих слов настолько пугает Семена, что он не решается никому

сообщать о найденной пуле. Потом, стараясь избегать каких-либо выводов, показывает пулю Дудыреву и работникам прокуратуры. Это ставит судей в исключительно трудное положение. Спасение только в том, что охотник ничем не может доказать свою правоту: кто знает, вынута эта пуля из трупа медведя или просто взята из патронташа? Больше того, сам Тетерин не отрицает дружбы с фельдшером, что дает основание предполагать чисто приятельские соображения. Если слегка запугать Семена ответственностью за ложные показания, то, быть может, малограмотный, не знающий законов охотник отступит и откажется от своих доводов.

Отношение суда к совершившемуся преступлению — несколько спорное место повести. Вопрос затронут по-тендряковски смело, а потом как-то осторожно сглажен и сведен на нет. Сначала позиция автора недвусмысленно четка: нет ни честности, ни партийной принципиальности у районного судьи Дитятичева. Его старания отвести все улики от Дудырева настолько шиты белыми нитками, что даже сам обвиняемый решительно выступает против попыток свалить вину на Митягина:

«— Разрешите напомнить вам один старый анекдот, — произнес Дудырев.

Дитятичев склонил голову: «Слушаю вас».

— Пьяный ползает на коленях под фонарем. Его спрашивают, что, мол, ты ищешь. «Кошелек потерял». — «Где?» — «Да там», — кивает на противоположную сторону улицы. «Почему же ты тогда ищешь здесь, а не там, где потерял?» — «Здесь светлее...»

Впервые за весь разговор Дитятичев озбоченно взглянул на Дудырева.

— Чем же я напоминаю этого пьяного?

— Да тем, что боитесь сложности, ищите истину, где светлей да удобней, а не там, где она лежит на самом деле.

Дальше автор окончательно убеждает нас в фанатическом преклонении судей

¹ В. Тендряков. Суд. Повесть. «Новый мир» № 3, 1961.

перед высокой должностью Дудырева. После решительного объяснения Дудырева между судьями происходит разговор, обнажающий совершенно непонимание ими элементарных требований совести:

«Когда от крыльца донесся подвывающий звук стартера дудыревской машины, Дитяичев произнес:

— Черт его знает, донкихот какой-то.

Прокурор, задумчиво щури глаза в угол, возразил после минутного молчания:

— Скорее Нехлюдов... Иной раз прорывается в душе русского человека эдакая совестливость, которая в Сибирь гонит вслед за ссыльной проституткой».

Потом суд. Благополучный не только для персонажей, но и в какой-то степени для самого автора. Отказ Семена Тетерина от найденной пули снимает с писателя задачу развязать еще один сложный и запутанный узел. В самом деле, что было бы, если бы вина полностью упала на Дудырева? Что предприняли бы в таком случае судьи, поставленные перед необходимостью иметь нежелательные разговоры с районным и областным начальством?

Мы совершенно не требуем, чтобы автор наказал судей или разразился по их адресу гневной филиппикой. Но рядом с четкой авторской позицией в решении всех острых проблем повести особенно заметна недоговоренность, некоторая расплывчатость суждений в этом вопросе. Так в безукоризненно нарисованной картине особенно бросается в глаза какая-нибудь мелочь, которая могла остаться незамеченной в посредственном произведении, но здесь, среди совершенно вычерченных деталей, ее недоработанность сразу привлекает внимание.

Основная проблема повести решена писателем страстно, с той завидной смелостью,

которая всегда отличала произведения Тендрякова. Верить человеку. Не опускаться до мелочных подозрений, не считать человека хуже, чем он есть. Нет, не ради парадокса раскрыл писатель обманчивые суждения Тетерина и Дудырева друг о друге. Старый охотник почти не сомневался в том, что Дудырев будет использовать все возможности (а они довольно большие), чтобы избежать наказания. Дескать, крупный работник, связи в области, подкуп судей...

Как принципиально верна позиция писателя, нарисовавшего Дудырева человеком кристально чистым, волевым! Что и говорить, сославшись на ряд имевшихся в действительности случаев, когда крупные руководители, используя служебное положение, обходили букву закона, писатель мог поступить совсем по-иному. Дудырев попросту не вмешался бы в следствие, не попытался отвести несправедливые обвинения от Митягина, и человек получил бы незаслуженное наказание. Но такое решение вопроса не было бы отражением социальной правды, которой настоятельно требовала повесть. Силой художественных средств Тендряков настолько типизировал случившуюся ситуацию, что конфликт нельзя было разрешать по принципу «и так бывает». Была нужна именно принципиальная правда, не констатация некоторых печальных исключений, что писатель сделал в повести «Тройка, семерка, туз», а именно сильное и верное обобщение.

*В. Гейдеко,
рабочий-строитель.
Ставрополь.*

